

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.09:303.725.22

«СВОЕ» – «ЧУЖОЕ» В ОПИСАНИИ ТАВРИДЫ П. И. СУМАРОКОВЫМ

Галушко А. Д.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: alenagalushko@rambler.ru*

Тема статьи продиктована необходимостью осмысления механизмов регулирования общественных отношений с учетом накопленного филологического и философского опыта. Соотнесение концептуальной оппозиции «свое» и «чужое» происходит в связи с фактами филологической истории начала – середины XIX века, в частности, с актуализированной П. И. Сумароковым проблемой восприятия «чужого» сквозь призму «своего» жизненного опыта, мировосприятия и с учетом накопленных знаний о предстоящем путешествии. «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова явилось литературным образцом «взаимодействия» с новой культурной и природной реальностью. Читатель получил возможность вместе с автором пройти путь освоения уникального полуострова и получить те знания о Крыме, которые делали для него Крым «своим» не только в формально-политическом отношении, но и в ментально-духовном.

Ключевые слова: П. И. Сумароков, свое, чужое, Крым, Б. Вальденфельс, В. Г. Лысенко, Д.-А. Пажо.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобализации, когда коммуникативные возможности, казалось бы, должны были стирать считавшиеся «непреодолимыми» металлические, историко-культурные, религиозные расхождения между народами, на практике оказывается, что именно коммуникативные возможности в ситуациях национально-государственных противоречий приводят к стремительной консолидации обществ (общностей, сообществ, групп) по принципу «свои» и «чужие». При этом представления о толерантности (*tolerare* – терпеть, переносить, выносить, привыкать) усваиваются индивидуумами в контексте прагматизма (ситуативности). Так, осознание понятий «свой» и «чужой» (или: «родное» – «чужое»; а далее: соответствующее – не соответствующее убеждениям, воспитанию) может корректироваться в сознании человека в зависимости от места, в котором он находится, обстоятельств, при которых происходит коммуникация и, конечно, собственного жизненного опыта.

Таким образом, актуальность заявленной темы продиктована современными запросами общественной жизни, необходимостью осмысления механизмов регулирования общественных отношений с учетом накопленного филологического и философско-исторического опыта. В задачи статьи входит соотнесение концептуальной оппозиции «свое» и «чужое» с фактами филологической истории XVIII века, в частности, актуализированной П. И. Сумароковым проблемой постижения «чужого» как «находящегося за границами родной культуры» [6]

Категория «чужое» («другое») рождается в противопоставлении «своему» («собственному») и является одним из важнейших инструментов интеллектуального освоения мира. Как считают исследователи, «представления о Другом исконно мифологичны»: «это психологическая данность, которая обусловлена усвоенной на генетическом уровне моделью миропонимания, предполагающей разграничение пространства на Свое и Чужое» [16 с. 45]. Закономерно, что категории «свое» и «чужое» давно вызывают интерес многих специальностей гуманитарного цикла и, по мнению ученых, до сих пор являются предметом активного изучения: «В отношении чужого очевидно, что оно, составляя пару собственному, относится к актуальнейшим проблемам <...>» [3, с. 124]. Хотя сам психологический феномен разделения мира на сферы «своего» и «чужого» восходит к эпохе мифомышления, философское осмысление этого феномена, по наблюдению немецкого профессора Бернхарда Вальденфельса, началось «частично в XVIII–XIX вв., в большей мере – в XX веке» [2, с. 124]. Очевидно, что интерес был подогрет и развитием национальных культур, и постепенным движением общества к индивидуализации сознания, и стремлением к свободе волеизъявления. Проблема «своего» / «чужого» во многом накладывается на проблему понимания «нормы / антинормы», и это, конечно, вызывает живой интерес не только философов, но и психологов. Сложность проблемы, однако, в том, что в коллективном и индивидуальном сознании грань между «своим» и «чужим» не всегда пролегает линейно и не всегда фиксирована. То, что одним поколением воспринималось в качестве «чужого», для другого поколения может стать «своим», а то, что было узаконено обычаем как «свое», может однажды вызывать отчуждение. Более того, существует множество объектов действительности, которые занимают «переходное» положение: они могут быть еще не «своими», но уже не в полной мере «чужими» или «своими», но еще сохраняющими память о своем «чужом» происхождении и т. д. И именно эти переходные формы позволяют нам «отследить» многие феномены культуры и литературы в их динамике.

Если говорить конкретно о литературе, то наиболее показательным в этом отношении является жанр «путешествия», предполагающий освоение «чужого» пространства (не только географического, но и культурного) авторским сознанием. Именно этот жанр позволяет отчетливо рассмотреть, как «чужое» превращается в «свое».

Цель статьи – выяснить авторские тактику освоения «чужого» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Первое путешествие П. И. Сумарокова в Крым состоялось через 16 лет после присоединения Крыма к России. Это значит, что автор имел все основания воспринимать полуостров в качестве «своего» пространства, если иметь в виду политическую плоскость вопроса. В то же время Крым представлял собой малоизученную область. До присоединения к России европейцы здесь оказывались крайне редко, так что первые развернутые научные описания полуострова появились лишь незадолго до путешествия Сумарокова. То есть, для автора Крым все же

представлял собой во многом пространство «чужое», и задача путешествия заключалась в том, чтобы это «чужое» оказалось вписано в «свою» картину мира.

В современном научном дискурсе понятия «свое» и «чужое» получают довольно разнообразные толкования. Но для нас в данном случае важно, каким образом сам Сумароков мог «толковать» эти категории. Думается, он исходил из общеупотребительной речевой практики, которая закреплена в словарях, а потому сделаем небольшое отступление на этот счет.

Притяжательное местоимение «свой» в русском языковом пространстве возникло в XI–XVII вв., а в словаре впервые было зафиксировано в 1627 г. Слово происходит «из праславянского «свой», восходящего к индо-европейскому se-: sewe; swe-: swo- «свой, родной, своего рода» [23, с. 306]. Русскоязычному «свой» соответствуют «древне-прусское swais, swaia, литовское sãvas, латышское savs, древне-индийское sva-, svaka- «свой, собственный», древне-греческое ἐ, ὄς, ἔβς, древне-латинское souos, латинское suus, готское swēs» [23, с. 306]. Значения местоимения «свой, родной, своего рода» [23, с. 306] отражаются в общем значении лексемы «принадлежащий себе, находящийся у себя в пользовании» [23, с. 306].

Слово «чужой» появляется в русскоязычном пространстве в это же время. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово «чужой» означает: «не свой, сторонний, собя другого, незнаемый, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный» [4, с. 613]. Последнее значение нам особенно важно, поскольку связано с актуальными социально-философскими категориальными смыслами. Есть и примеры, это значение раскрывающие: «Чужая сторона прибавит ума», «Чужая сторона – дремуч бор», «От чужого обеда не стыдно голодному (не евши) встать», «Чужая сторона – вор (разбойник)», «В чужую дуду не наиграешься (поиграй да покинь)», «Кому от чужих, а нам от своих», «На чужой стороне и сокола вороной назовут» и т. д. На основании этих примеров легко заметить, что слово «чужой» имеет отношение не только к собственности (собой), но и к выросшим, утвердившимся в народном сознании – на основании накопленного исторического и житейского опыта – характеристикам и оценкам. Так, «чужий» или «чуждый» – «чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный» [4, с. 613]. Постепенно в русском языке появляется и глагол, возникающий и обогащающийся дополнительной семантикой по мере развития языка и накопления новых – метафорических – смыслов: чуждать, отчуждать – удалять, почитать чужим, обегать, избегать [4, с. 613].

В «Этимологическом словаре современного русского языка» Б. М. Шапошникова утверждается, что лексема возникла из «праславянского т'удьб производного прилагательного с суффиксом -йъ от основы т'уд-, восходящей к готскому riuda «народ»» [23, с. 531]. Первоисточником при этом является лексема teutā «народ», производное с дентальным суффиксом от глагола tēu-: tēu-: tū- «расширяться, разбухать, вздуться» [23, с. 531]. При этом в среднеиндоевропейском диалекте «teutonos имеет значения «автохтон, абориген, хозяин земли, суверен», литературное же значение – «народ, нация», кельтское touto – «народ»» [23, с. 531].

Таким образом, этимологический рисунок лексемы «чужой» в процессе адаптации несет в себе ядерное значение «народ», что свидетельствует о том, что человек отделяет себя от общества или людей, принадлежащим к другому обществу, оно становится для него «чужим», при этом «своим» остаётся собственное «я» и его окружение. Важно понимать, что «своё» – это абстрактное понятие, это не только «свое, родное», как указано в значении, но и нечто большее, чем «моё», это принадлежащее кому-либо, тому, кому обращены слова говорящего [1]: «Не существует «определённого чужого», а существуют различные стили чуждости» [2, с. 126]. Так, В. Г. Лысенко в работе «Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии)» приходит к выводу, что «мы можем осознать свое Я лишь через «не-Я», другое, чужое» [12, с. 61], при этом автор создает собственные принципы познания «чужого»: «я-образ», «не-я», «я-образа».

Чтобы автор осознал, что есть «чужое», он должен осознать, что есть «свое», когда «личная идентичность актуализируется при столкновении и конфликте с чужой идентичностью» [12, с. 61]. В ситуации путешествия происходит психологически мотивированное акцентирование эмоций путешественника не только на объекте и субъекте восприятия, но, прежде всего, на собственном видении новой реальности, на «я – в новой реальности». Этот и порождает психологический сюжет-восприятие в тексте «путешествия». Но не это удивляет, а, напротив, привлекает читателя. Читатель ищет авторский «ответ» на «новую реальность», «я-оценку» образа «новой реальности».

Итак, суммируем. В качестве «чужого» Сумароков должен был воспринимать, во-первых, все, что отличалось от привычного порядка вещей; и, во-вторых, все, что было создано и являлось обычаем для иных национальных общностей. По существу, текст Сумарокова – описание индивидуального опыта по взаимодействию с «чужим». Причем описание – литературное, не фотографически отражающее маршрут и события, а «конструирующее» сюжет путешествия, что было в традициях эпохи [18, с. 27]. А учитывая свойственные той поре представления о назидательной, просвещенческой роли литературы, можно заключить, что Сумароков предлагал читателю своеобразную «программу» взаимодействия с «чужим».

Однозначно, что Сумароков заранее собирал сведения о Крыме, так что из Петербурга он отправлялся не в полную неизвестность, а в «то древнее завоевание Митридата, тот знаменитый полуостров» [20, с. 45], о котором имел некоторые «сведения на предстоящие <...> места» [20, с. 75]. Очевидно, что образ Крыма мифологизировался, ассоциировался, прежде всего, с историческим прошлым, и это, безусловно, демонстрирует настрой автора преодолеть «чуждость» полуострова, воспринять его легендарное прошлое в качества славной страницы теперь уже и «своей» истории. Мифологизация Крыма была характерна и для более поздних текстов о Крыме [9, 17].

Восприятие национального образа базируется на стереотипном мышлении, которое, в свою очередь, уходит корнями в эпоху мифомышления. А потому «миф предшествует научному освоению действительности» [9, с. 5]. Прежде, чем Сумароков увидел Крым, в его сознании уже существовал некий «крымский миф». Этот миф складывался не только из исторических сведений, но в том числе из

информации, полученной от людей, бывавших на полуострове. Автор сообщает, например: «Мы разговаривали за столом все о той стране, и любопытство мое заготовляло мне сведения на предстоящие мне места. Мне сказывали о беспокойствах, какие я претерпеть должен, о страшных по приморским местам тропинках, по которым более 200 верст не иначе, как верхом проезжать надлежит, и об удивительных, равно достопамятных вещах, кои я там увижу» [20, с. 75–76].

Характерно, что «крымский миф» – это для автора уже нечто «свое», поскольку содержание этого мифа известно ему лучше, нежели Крым реальный. А потому зачастую знакомство с Крымом представляет собой сопоставление действительности с уже бытующими в сознании сведениями. Когда увиденное совпадает с ожидаемым, то, сколь бы экзотичным это увиденное ни было, оно уже воспринимается во многом как «свое», позитивное уже потому, что соответствует ожиданиям. Этот эффект, скажем, ощутим, когда автор знакомится с восточными обычаями и нравами: турецкая свадьба с «арбой, запряженной парой волов», «татаринном в убранстве верхом», «торжествующим двором», «взаимными обниманиями»; кофейни с «кустланными по полу коврами с отгороженными вокруг диванами», «татарами, поджавшими (под себя) ногами», «кофием без сахара и сливок»; базары с «сидящими по лавкам купцами», «рукодельями» и «курительными царствами» – все это для автора становится не «открытием», а подтверждением «своих» знаний о Востоке. «Чужое» становится отчасти «своим» уже потому, что соответствует привычным представлениям.

Важно учитывать и социально-политическую ситуацию эпохи. Сквозь все произведение Сумарокова легко прослеживается мысль о том, что население Крыма – вне зависимости от религии и национальности – это население «свое», российское. Это сразу настраивает не на отрицание «инаковости» крымских жителей, а на стремление познать эту «инаковость» – по аналогии с тем, как познавалась «инаковость» множества иных народов, населяющих Россию. Основная часть крымского населения той поры – это крымские татары, мусульмане. А тюркская и мусульманская культура была хорошо знакома русскому читателю, поскольку тюркские народы проживали рядом с русским населением в Уфимской, Оренбургской, Саратовской, Пермской, Вятской и др. губерниях, причем сохраняли свою традиционную самобытность. И Сумароков, описывая свое общение с крымскими татарами, исходит из тех же принципов, которые лежали в основе взаимоотношений между русскими и тюрками в других районах страны. Он не стремится противопоставить себя крымскому населению; напротив, всячески старается познать его нравы, попробовать «приноровиться» (жилище, питание, правила жизни) к местным обычаям. И это следует воспринимать в контексте государственной политики в Крыму, которая стирала различия между «своим» и «чужим». Сенатский указ от 9 ноября 1794 г. предоставлял «простым татарам» право потомственного владения и продажи землями; иными словами, «все крымские татары вне зависимости от происхождения были уравниены в собственнических правах на землю с российским дворянским сословием» [8]. При такой постановке вопроса «свое» и «чужое» существенно меняло теоретическую формулу противопоставления:

с точки зрения социальной эта оппозиция не существовала, сферой ее бытования оставалась лишь культурная плоскость.

В этом отношении важно, что для Сумарокова культурные границы зачастую проходят не по национальным и культурным границам, а по сугубо нравственным. Образ «путешественника» в его тексте – это своего рода нравственный образец, хорошо знакомый литературе сентиментализма. «Путешественник» Сумарокова – персонаж культуры Просвещения – видит миссию «своих» моральных принципов не в навязывании собственных норм, а в использовании этих норм на благо окружающим. Это подтверждается характерным эпизодом. Между сопровождающими путешественника возникла ссора. Один участник конфликта – толмач-турок (отставной ротмистр), который был «человек суровый и несговорчивый» [20, с. 101], «Магомета почитал, а жертвы воздавал Бахусу» [20, с. 101]; другой – и слуга путешественника, «отставной сержант <...> также грубого нрава, но притом весьма честного и трезвого поведения» [20, с. 101]. Противоречия между ними «задели» и «национальный вопрос»: один «требовал насильного себе почтения», а другой «говорил, что турок никогда его начальником не бывал». В результате ссоры продолжение путешествия оказалось под вопросом.

Сумароков описывает, как ему силой убеждения удалось уладить этот конфликт. Читателю ясно, что ее причиной стали чисто субъективные факторы. И Сумароков своими рассуждениями подсказывает, что устранить эти причины можно лишь в том случае, если ориентироваться не на личностные убеждения, а на вселенские законы: «В горних всегда царствует мир и благодать, а смертные в долу обыкновенно враждуют и друг на друга восстают» [20, с. 100].

Знакомство автора с «чужим» начинается уже по пути в Крым. Так, Николаев, возведенный в 1789 г. Г. А. Потёмкиным, представляет «значимое расхождение между типами культурной действительности» [25]: той, носителем которой является автор и той, которой ему предстоит познать в путешествии. Сумароков рассказывает: Сали-Ага «показал нам свой сад и один турецкий крестьянский дом, где по обычаю их, мы нашли опрятный и хороший диван [20, с. 50–51]; «турки, привыкшие к роскоши и неге, обыкновенно это делают (обедают) у своих домов, чтоб покойнее им садиться верхом и сходить с лошади» [20, с. 51]». Заметим, что на речевом уровне П. И. Сумароков, используя местоимения «их» и «мы», отделяет себя от «чужой» для него культуры. Однако очень скоро он уже говорит о себе и представителях иной культуры, используя местоимение «мы», «наша»: «Беседа наша, состоявшая из четырех человек, была непринужденной, бесчиновной и весьма приятной; мы, растянувшись по дивану, разговаривали о разных вещах <...> и мы очень весело провели за обедом наше время» [20, с. 51–52]. Очевидно, что это сближение с «чужим» пока ситуативно, но важно, что автор при этом не испытывает никаких затруднений, он, напротив, демонстрирует легкость, с какой люди разных обычаев могут находить общий язык.

Исследователи говорят о том, что знакомство с «чужим» может осуществляться по разным моделям. Ивер Нойманн в работе «Использование «Другого» изучает проблемы идентичности при рассмотрении «концептуальной пары «Я/Другой» [13, с. 25], выделив четыре основных подхода: этнографический, психологический,

подход континентальной философии и «восточный экскурс». Не будем подробно рассказывать о каждой модели, лишь заметим, что в случае с Сумароковым имеет смысл говорить о так называемом «восточном экскурсе». Здесь «я» не воспринимает «чужое» как другое «я», а лишь как нечто близкое; по такому принципу и выстраивается отношение автора к культуре сообщества, о котором он имеет лишь некоторые стереотипные представления, основанные на собственном жизненном опыте. Для П. И. Сумарокова «чужое» становится «своим» «по культурно-нравственным приоритетам», при этом стираются границы восприятия «своего» и «чужого» [19, с. 17]. И общение турком-мусульманином описывается в одном ряду с посещением христианского храма, находящегося на краю отечества: «<...> Я пошел в Собор, а как то было воскресенье, то нашел в оном довольное стечение людей, хор приятно и искусно поющих певчих, и я забывал тогда, что нахожусь на конце своего отечества, при первобытном пределе Оттоманской Порты, и в стране, где незадолго пред сим и звери не учреждали своего обиталища [20, с. 54].

Установки П. И. Сумарокова в освоении «чужого» становятся лучше понятны, если рассмотреть текст с точки зрения концепции, предложенной известным французским литературоведом Д.-А. Пажо. Исследователь полагает, что все реакции индивидуума при встрече с «чужим» можно условно разделить на три группы: манию, филию и фобию. На наш взгляд, это несколько упрощает и схематизирует картину, однако все же имеет смысл, поскольку позволяет высветить основные авторские принципы. Итак, попробуем сгруппировать высказывания Сумарокова в соответствии с концепцией Д.-А. Пажо.

Начтем с тех случаев, которые Пажо определяет как «филии», то есть ситуации, в которых автор воспринимает «чужую» действительность позитивно и как дополнение к «своей» культуре. Закономерно, что высказывания такого типа относятся у Сумарокова, как правило, к тем объектам и явлениям, которые ближе всего его привычному взгляду на вещи. Так, например, он описывает греческий храм в Крыму: «На другой день я пошел в греческую церковь, недавнее сооружение которой являло великую бедность, и царские в ней врата были из простых досок без всякого на них изображения, <...> литургия совершалась на двух языках пополам, то есть один стих пели по-гречески, другой по-русски [20, с. 76].

К группе реакций-фобий, то есть таких, которые однозначно декларируют превосходство «своей» культуры над «чужой», можно отнести крайне малое число высказываний Сумарокова. И все же такие фрагменты обнаружить можно. Вот один из них: «Восточный обычай есть по-братски из одной чашки мне очень не понравился, а когда, по снятии чорбы, их супа, появились другие блюда, то способ брать всякое кушанье голыми руками мне также показался отвратительным. Я межевался со своими товарищами чересполосно, отгораживал свою долю в уголок, и ел вилкой по-европейски» [20, с. 78].

Здесь нужен небольшой комментарий. Как известно, население Крыма во времена Сумарокова не было этнически однородным. Как отмечает Н. И. Храпунов, «важным свойством Крымского полуострова было многообразие населявших его этнических типов» [22, с. 67]. Закономерно, что Сумароков отмечает эту особенность: «Обитатели города есть также собрание разновременных, и главное из них число

составляют татары, а прочие суть россияне, греки и армяне. В нем 4 мечети; при том каждый из этих народов имеет свою церковь и отделенные на базаре для торгу своего ряды» [20, с. 75]. Однако закономерно и то, что основное внимание он уделяет описанию наиболее многочисленной национальной группы – крымских татар. Так что на фоне множества описаний крымскотатарской культуры случаи, когда автор не приемлет какие-то ее элементы, выглядят единичными.

Отметим, что такого рода реакции имеют место в тех случаях, когда, во-первых, различие культур выражено наиболее контрастно, а во-вторых, когда речь идет о бытовых повседневных деталях. Однако исследователями давно замечено, что «деление на “свое / чужое” нивелируется, если речь идет об абсолютных ценностях [7, 24]. И это очень хорошо заметно, когда Сумароков описывает религиозную жизнь мусульман: «<...> Настало время видеть магометанское богослужение, для чего мы пошли в придворную <...> Сперва началось общее моление; татары, стоявшее правильными рядами, падали на колена, шептали, смотря в руки, поглаживали бороды, иногда вставали, кричали миром, и все это отправлялось с великим благочестием [20, с. 136]. Созерцание «чужого» здесь служит Сумарокову поводом для размышлений, которые не подчеркивают, а, напротив, способны нивелировать «чуждость»: «Разные народы, разные обычаи! Что одному кажется смешным, в том другой важность обретает; сей признает за должность то, от чего иной с ужасом отвращается. Общего добра и худа нет, цель же каждого одинакова и та же; всякий ищет познать своего Творца, смириться пред ним и принести Ему в благодарение какую-либо жертву» [20, с. 137].

Вообще говоря, Крым постепенно превращается для Сумарокова в своеобразный естественно сложившийся эталон, «оазис», способный служить примером преодоления взаимной «чужести» разного характера. Крым объективно занимает «двойственное положение <...> между Европой и Азией» [21, с. 67], и это особенно поражает Сумарокова, поскольку «Европа» и «Азия» не конфликтуют здесь, а сосуществуют, не акцентирую исконную чуждость разных обычаев. Подробно автор описывает архитектуру разных традиций: Ханский дворец с «внутренним его великолепием, разными при нем двориками с цветниками, насыпанными садами, изобилующими лучшими плодами, и множеством фонтанов» [20, с. 134], где «все дышит <...> роскошью, негой и сладострастием» [20, с. 134], «греческую во имя Успения Богородицы церковь» [20, с. 137], которая «находится внутри каменной утесистой горы» [20, с. 137] и «не имеет никаких украшений, но <...> искусной работы» [20, с. 134]; пещеры, которые являются «настоящими комнатами с окнами, дверями, сводами, широкими лавками, из них» и все это цельно высеченное из природного каменного слоя» [20, с. 128]. Восприятие и принятие такого многообразия является «показателем уровня собственного развития» [12, с. 62–63], что заложено в основе принципа «я-образа», когда «образ чужого может быть инструментом как самоутверждения, так и самопонимания» [12, с. 63].

В случае с П. И. Сумароковым происходит второе. Красота и экзотичность природы, архитектурное многообразие поражают воображение автора, он рассуждает о философии бытия: «Тут иногда, усевшись на каменной скале, я, окруженный воздымающимися и обнаженными горами и имея позади себя дикость мест и

разрушения, а перед глазами неизмеримое пространство вод, проводил в уединении моем часа по три времени; и тогда-то я выводил сие заключение, что если мы оставляем без довольного вниманья чудесные произведения природы, то причиною оному – привыкшее к ним наше зрение. Но когда бы новый житель мира впущен был посреди неизвестной ему вселенной, то в какое бы пришел он изумление, встречая повсюду красоту, стройность и порядок. Он, конечно, познал бы сам собою Сотворившего все, и, повергнувшись с благоговением пред Ним на колена, прославил бы Божию премудрость, величество, недостижимость и Его славу» [20, с. 89]. Автор переживает «чувства природы» через созерцание, слушание, обоняние, осязание и постигает природу через эмоции и чувства, рассуждая о законах мироздания. Природа становится мотиватором мысли, «чужое» пространство выступает источником миропонимания.

В момент осознания «чужого» посредством «своего» формируется проблема восприятия бытия; при этом в работе «Время и Другое» Э. Левинаса бытие связывается с понятиями изменчивости и неопределенности, «которые со временем также претерпевают изменения» [10, с. 97–98]. Отсюда вытекает вопрос о самоидентичности в чужой среде [11]. Природа Крыма становится для Сумарокова той сферой, которая позволяет ему самоидентифицироваться.

Здесь следует вернуться к концепции Д.-А. Пажо и сказать о тех высказываниях, которые можно было бы отнести к реакции-мании. Само название этой группы нам не кажется вполне удачным, но так или иначе речь идет о тех случаях, когда автор писатель воспринимает «чужую» реальность как преобладающую в каком-либо отношении над своей [19, с. 19–20]. У Сумарокова это происходит, когда он говорит о крымской природе. Но здесь не следует впадать в излишнюю категоричность оценок.

Понятно, что природа Крыма была для Сумарокова «чужой», поскольку она чрезвычайно отлична от природы средней полосы России, хорошо знакомой писателю. Эта необычность явно привлекает его, а потому описания природы занимают в тексте значительное место: «Климат в Крыму вообще есть весьма здоровый; чему служат свидетельством неизвестные здесь смешанные болезни, твердое сложение жителей и достижение их до глубокой старости. Но в некоторых его низких местах <...> довольно вреден. На сем полуострове теплотворной воздух продолжается чрез целые восемь месяцев; притом и остальная часть года выводит с собою довольно число ясных и хороших дней» [20, с. 160]. Крымские особенности зачастую описываются в прямом сопоставлении со «своей» природной реальностью, например,

- при описании рек: «Крым орошается великим множеством рек, из коих большая часть находится в каменистой полосе; но нет из них ни одной не только судоходной, даже равной в широте московской Яузе» [20, с. 162];

- при описании птиц: «Большое стечение здесь птиц бывает осенью и весною; летом же чрезмерные жары побуждают некоторых отсюда удалиться; от чего число их тогда весьма умалется. Но водяных птиц всегда находится немного, а глухих и простых тетеревов нет нигде» [20, с. 163];

- при описании животных: «Зверей на сем полуострове количество невелико. По местам есть сайгаки, дикие козы, волки, барсуки, лисицы, кабаны и зайцы, <...> но медведи и белки здесь совсем неизвестны» [20, с. 164].

Причем природа Крыма далеко не всегда вызывает у автора восторг. Порою «местные условия» вызывают у него явное отторжение: «Худой запах, происходящий от топления кизяком и тростником, притом начинающийся жар принудили меня оставить мою прогулку» [20, с. 50]. Иногда крымские ландшафты навевают чувство ужаса: «Дорога идет излучистая по косогорам между гряды чудовищных в утес гор и разверстой пропасти к морю, такой в иных местах узкой стезей, что лошадь едва переставлять может ноги, и я смело скажу, что ни одна наша русская лошадь по этому пути пройти бы не осмелилась и не могла. Я не знал тогда, что предпринять: впереди представлялись непроходимости; поворотиться назад и уступить робости устыженная мысль не позволяла, и надлежало избирать из двух одно, верхом ли проезжать, или идти лучше пешком» [20, с. 109]. Море демонстрировало автору свой негостеприимный характер: «Посиневшее море являло грозные валы, из-под кипящей над ними пены пробивающиеся, которые возносились буграми и мгновенно ниспадали; шум от ударов их одного о другой, сильное колебание всей влаги, мрачность, покрывающая небесный свод, – все это вселяло уныние и страх» [20, с. 95].

Однако важен такой эффект: все эти трудности и непривычные условия в конечном итоге не рожают чувства отторжения. Они, как правило, служат автору очередным поводом восхититься величием и многообразием природы, они лишь стимулируют мысль о месте человека в природе: «О, природа <...> ты, рассыпая по вселенной свои богатства, велишь в одном краю пренебрегать тем, что за великую радость поставляют в другом. Бесчисленные в игре оттенки повсюду различают твои произведения. Тут ты воздымаешь величественные кипарисы и лавровые деревья, а в той стороне и простых дубов не даешь. Там на испещренных розами и нарциссами долинах тихие зефиры разносят по воздуху ароматы и нежат царствующую любовь; а здесь ты вечные льды и ужасную необитаемость оставляешь! Тут в недрах земли светятся алмазы, золото и серебро; там же кремнистые скалы и разверзающиеся бездны определяешь! Ты мать в одних местах, но мачеха в других» [20, с. 76]. Крым изображается именно тем местом, где природа оказывается для человека «матерью», и потому полуостров превращается для «путешественника» в своеобразный идиллический «оазис». «Путешественник» Сумарокова в результате не «царь природы», а, скорее, ее ученик, чутко слушающий «подсказки» ее закономерностей. Поначалу «чужая», природа Крыма становится для героя «своей», и Крым, который в начале путешествия был для автора и читателя во многом «чужим», к концу повествования становится понятным, знакомым – «своим».

ВЫВОДЫ

Историко-философское осмысление оппозиции «своего» / «чужого» сегодня активно реализуется в исследованиях социокультурной тематики, психологии, филологии, этнографии и т. д. Проблема «своего» / «чужого» становится определенным «ключом» при изучении актуальных вопросов филологии,

имагологии, компаративистики [14, 15, 16]. Жанр «путешествия» в этом отношении служит уникальным источником материалов, анализ которых позволяет вскрыть механизмы интеллектуального освоения «чужих» пространств и культур в контексте разных эпох и традиций.

«Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова представляет собой яркую иллюстрацию литературных тенденций конца XVIII в., когда просветительский вектор мотивировал автора и читателя преодолевать межкультурные границы и примирять противоречия между «своим» и «чужим» на основе универсальных ценностей. Крымское «Путешествие...» Сумарокова превращалось в литературный образец «взаимодействия» с новой культурной и природной реальностью. Читатель получал возможность вместе с автором пройти путь освоения уникального полуострова и получить те знания о Крыме, которые делали для него Крым «своим» не только в формально-политическом отношении, но и в ментально-духовном.

Список литературы

1. *Альтиуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 448 с.
2. *Вальденфельс Б.* Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / Научный ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. – Минск: Пропилеи, 1999. – 176 с.
3. *Ваулина Л. Н.* Герменевтика и межкультурная коммуникация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2010. – С. 198–202.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1–4. – М.: Рус. яз., 1978–1980. – Т. 4. Р–V. 1980. – 663 с.
5. *Данилова Н. Ю.* Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н. С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. – СПб., 2011. 30 с.
6. *Казакова Е. А.* Теоретические подходы рассмотрения дуальности 'своё – чужое' // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. – № 11(340). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 32. – С. 120–125.
7. *Клюенков О. И.* Феномен отчуждения человека как опыт его существования: Автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Архангельск, 2007. 24 с.
8. *Конкин Д. В., Храпунов Н. И.* Между Западом и Востоком: особенности развития Крыма в составе Российской империи в контексте межкультурных коммуникаций (1783–1853) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015401-0-1>. – (Дата обращения: 05.03.2022).
9. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет; науч. ред. В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
10. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Букинистика, 1998. – 265 с.
11. *Левинас Э.* Путь к Другому. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 240 с.
12. *Лысенко В. Г.* Познание чужого как способ самопознания (попытка ксенологии) // Россия в диалоге культур / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. – М.: Наука, 2010. – С. 90–102.

13. Нойманн И. Использование «Другого»: (Образы Востока в формировании европейских идентичностей). – М.: Новое изд-во, 2004. – 335 с.
14. Орехов В. В. Предыстория отечественной имагологии: традиция как целеуказание // Имагология и компаративистика. – Томск: ТГУ, 2020. – № 14. – С. 143–167.
15. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге). – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
16. Орехов В. В. Северо-восток: Россия на «имагологической карте» французской литературы // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – С. 45–69.
17. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации // Вестник Псковского государственного университета. Выпуск 1. Серия «Социально-гуманитарные науки». Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 258–265.
18. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01; 10.01.08. – Симферополь, 1992. – 328 с.
19. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 9–19.
20. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – Симферополь: Бизнес-информ, 2012. – 208 с.
21. Храпунов Н. И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 58–68.
22. Храпунов Н. И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к российской империи глазами иностранцев // Новое прошлое. – 2018. – № 1. – С. 63–78.
23. Шапошников Б. М. Этимологический словарь современного русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 4. – 576 с.
24. Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое – чужое в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. – Тарту: Издательство Тартуского университета, 2016. – 356 с.
25. Pageaux D.–H. L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle // *Synthesis*. – Bucarest, 1983. – X. – P. 79–88.

References

1. Altshuller M. *Beseda lyubitelej russkogo slova. U istokov russkogo slavjanofil'stva* [Conversation of lovers of the Russian word. At the origins of Russian Slavophilism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 448 p.
2. Waldenfels B. *Motiv chuzhogo: Sb. per. s nem.* [The motive of a stranger: Transl. from german]. Scientific ed. by A. A. Mikhailov; ed. by T. V. Shchitsova. Minsk, Propilei Publ., 1999. 176 p.
3. Vaulina L. N. *Germenevtika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Hermeneutics and intercultural communication]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Sociokinetika*, 2010, pp. 198–202.
4. Dal V. I. *Tolkovyj slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Rus. Yaz Publ., 1980, vol. 4 (R-V). 663 p.
5. Danilova N. Y. *Dialog «svoego» i «chuzhogo» v xudozhestvennom mire N. S. Leskova (na materiale proizvedenij 1860–1880-x gg. ob inostrancax i inorodcax: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [The dialogue of "one's own" and "someone else's" in the artistic world of N. S. Leskov (based on the works of the 1860s-1880s about foreigners and foreigners). Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2011. 30 p.

6. Kazakova E. A. *Teoreticheskie podxody` rassmotreniya dual`nosti `svoyo – chuzhoe`* [Theoretical approaches to the consideration of the duality of 'one's own – another's']. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no 11(340), pp. 120–125.
7. Klyuenkov O. I. *Fenomen otchuzhdeniya cheloveka kak opy`t ego sushhestvovaniya: Atoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [The phenomenon of alienation of a person as an experience of his existence. Abstract of thesis]. Arkhangelsk, 2007. 24 p.
8. Konkin D. V., Khrapunov N. I. *Mezhdue Zapadom i Vostokom: osobennosti razvitiya Kry`ma v sostave Rossijskoj imperii v kontekste mezhkul`turny`x kommunikacij (1783–1853)* [Between the West and the East: features of the development of the Crimea as part of the Russian Empire in the context of intercultural communications (1783-1853)]. *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya»*, 2021, vol. 12, no. 7 (105). Available from: <https://history.jes.su/s207987840015401-0-1> (accessed 03 March 2022).
9. *Kry`mskij mif v russkoj kul`ture pervoj poloviny` XIX v. Svod maloizvestny`x svidetel`stv sovremennikov* [The Crimean myth in Russian culture of the first half of the XIX century. A set of little-known testimonies of contemporaries]. Ed. by: K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orekhova, D. K. Pervyh, A. S. Sheremet; scientific. ed. by V. A. Koshelev. Veliky Novgorod. Simferopol, Rastr Publ., 2017. 768 p.
10. Levinas E. *Vremya i drugoj. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and another. The humanism of another person]. St. Petersburg, Bukinistika Publ., 1998. 265 p.
11. Levinas E. *Put` k Drugomu* [The Path to the Other]. St. Petersburg, SpbGU Publ., 2006. 240 p.
12. Lysenko V. G. *Poznanie chuzhogo kak sposob samopoznaniya (popy`tka ksenologii)* [Cognition of the alien as a way of self-knowledge (an attempt at xenology)] *Rossiya v dialoge kul`tur*. Ed. by A. A. Huseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 90–102.
13. Neumann I. *Ispol`zovanie «Drugogo»: (Obrazy` Vostoka v formirovanii evropejskix identichnostej* [The use of the "Other": (Images of the East in formation of European identities)]. Moscow, Novoe izd-vo Publ., 2004. 335 p.
14. Orekhov V. V. *Predy`storiya otechestvennoj imagologii: tradiciya kak celeukazanie* [Prehistory of Russian imagology: tradition as target designation]. *Imagologiya i komparativistika*. Tomsk: TGU Publ., 2020, no. 14, pp. 143–167.
15. Orekhov V. V. *Russkaya literatura i nacional`ny`j imidzh (Imagologicheskij diskurs v russko-francuzskom literaturnom dialoge)* [Russian literature and the national image (Imagological discourse in the Russian-French literary dialogue)]. Simferopol, AntikvA Publ., 2006. 608 p.
16. Orekhov V. V. *Severo-vostok: Rossiya na «imagologicheskoi karte» francuzskoj literatury`* [North-East: Russia on the "imagological map" of French literature]. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. Simferopol, 2020, vol. 6 (72), no. 4, pp. 45–69.
17. Orekhova L. A. *«Baxchisarajskij fontan» A. S. Pushkina v literature puteshestvij po Kry`mu: problemy` interpretacii* ["Bakhchisarai fountain" by A. S. Pushkin in the literature of travel in the Crimea: problems of interpretation]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vy`pusk 1 Seriya «Social`no-gumanitarny`e nauki»*. Pskov: Pskovskij gosudarstvenny`j universitet Publ., 2015, pp. 258–265.
18. Orekhova L. A. *Obraz avtora i poe`tika zhanra: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The image of the author and the poetics of the genre. Abstract of thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
19. Repina L. P. *«Nacional`ny`j xarakter» i «obraz drugogo»* ["National character" and "the image of another"]. *Dialog so vremenem*. 2012, no. 39, pp. 9–19.
20. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Kry`mu i Bessarabii v 1799 godu* [Travel around the Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol, Biznes-informv Publ., 2012. 208 p.
21. Khrapunov N. I. *Alushta kak «kry`mskij raj» v opisaniyax inostranny`x puteshestvennikov koncza XVIII – nachala XIX v.* [Alushta as a "Crimean paradise" in the descriptions of foreign travelers

- of the late XVIII – early XIX centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 3, pp. 58–68.
22. Khrapunov N. I. «*Vostok v Evrope*»: Kry'm posle prisoedineniya k Rossijskoj imperii glazami inostrancev ["The East in Europe": Crimea after joining the Russian Empire through the eyes of foreigners]. *Novoe proshloe*, 2018, no. 1, pp. 63–78.
23. Shaposhnikov B. M. *E'timologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ, 2010, vol. 4. 576 p.
24. *Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Lingvistika XVII. Svoe – chuzhoe v yazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica VIII. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. One's own is someone else's in language and speech.]. Ed. by I. P. Kulmoy. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta Publ., 2016. 356 p.
25. Pageaux D.-H. *L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle. Synthesis*. Bucarest, 1983, pp. 79–88.

«ONE'S OWN» AND «UNFAMILIAR» IN THE DESCRIPTION OF TAVRIDA BY P. I. SUMAROKOV

Galushko A. D.

The topic of the article is dictated by the need to understanding the mechanisms of regulation of public relations taking into account the accumulated philological and philosophical experience. The correlation of the conceptual opposition of "one's own" and "unfamiliar" occurs in connection with the facts of the philological history of the early – mid XIX century, in particular, with the problem of perception of "unfamiliar" actualized by P. I. Sumarokov through the prism of "one's own" life experience, worldview and taking into account the accumulated knowledge about the upcoming journey. "The journey across the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov was a literary example of "interaction" with a new cultural and natural reality. The reader had the opportunity to go through the path of development of the unique peninsula together with the author and get the knowledge about the Crimea that made the Crimea "his or her own" not only formally and politically, but also mentally and spiritually.

Keywords: P. I. Sumarokov, one's own, unfamiliar, Crimea, B. Waldenfels, V. G. Lysenko, D.-A. Pageau.